

Къ біографіи Іннокентія, архієпископа Херсонскаго и таври- ческаго.

Для біографіи величайшаго изъ нашихъ церковныхъ ораторовъ настоящаго столѣтія у насъ доселѣ сдѣлано весьма немного, можно сказать, почти ничего. Академическій *curriculum vitae* Іннокентія, составленный для академіи наукъ преосв. Макаріемъ Булгаковымъ, „вѣнокъ на могилу Іннокентія“ покойнаго М. П. Погодина, „очеркъ жизни Іннокентія“, составленный Н. М. Востоковымъ (въ „Русской Старинѣ“), нѣсколько журнальныхъ и газетныхъ краткихъ замѣтокъ—это все, даже взятое вмѣстѣ, не только не біографія Іннокентія, но даже и не „матеріалы“ для біографіи. Настоящая біографія замѣчательнаго человѣка не можетъ ограничиться пересказомъ, хотя бы то самымъ подробнымъ, извѣстныхъ, и, пожалуй, мало извѣстныхъ и неизвѣстныхъ фактовъ внѣшней его жизни и дѣятельности, но должна воспроизвести цѣльный духовный образъ живой личности въ полномъ объемѣ ея духовно-нравственнаго бытія, исчерпать по возможности во всей полнотѣ все богатство внутренней жизни могучаго духа и сильнаго ума. Матеріалъ для такого изображенія слѣдуетъ искать не только въ фактахъ официальной дѣятельности изображаемаго лица (доклады по предметамъ епархіальной и общецерковной жизни въ высшую духовно-правительственную инстанцію—Св. Синодъ, проекты реформъ и новыхъ учрежденій, начальственные распоряженія и резолюціи и т. д.), но также, и главнѣйше, въ сферѣ интимной жизни, въ области частныхъ отношеній. По-

тому то мы видимъ, что во всѣхъ литературахъ біографіямъ историческихъ дѣятелей предшествуютъ сборники матеріаловъ для нихъ въ видѣ цѣлхъ томовъ ихъ переписки съ разными лицами... Какъ человекъ, какъ личность, какъ іерархъ, Иннокентій у насъ доселѣ не только не изображенъ съ должною полнотою и художественною цѣльностью и рельефностью, но, намъ кажется, и не опредѣленъ вѣрно, потому что нельзя же назвать опредѣленіемъ его личности тѣ, правда немалочисленные, анекдоты, большею частію отнюдь не документальнаго, а больше апокрифическаго происхожденія, которые обращаются въ обществѣ.

Изучая нашихъ болѣе крупныхъ церковно-историческихъ дѣятелей новѣйшаго времени, мы признаемся, съ особенною любовью всегда останавливались на Иннокентіѣ, достоинство котораго, какъ церковнаго оратора, и вліяніе путемъ учительнаго слова на религіозно-нравственное состояніе нашего общества мы ставимъ выше, чѣмъ даже ораторское достоинство и значеніе проповѣднической дѣятельности московскаго митрополита Филарета.

Стоя на высотѣ аскетическаго безстрастія, окруженный ореоломъ святости, погруженный въ жизнь созерцательную, въ область отвлеченной рефлексіи, умъ глубокой и тонкой, но холодный — Филаретъ не былъ такъ близокъ обществу, такъ понятенъ и доступенъ ему, какъ Иннокентій, человекъ чувства и воображенія, натура живая, подвижная и отзывчивая, — о комъ всегда можно было сказать, въ самомъ лучшемъ конечно смыслѣ, что „человѣкъ онъ былъ, и ничто человѣческое ему не было чуждо“. Филарета почитали, ему удивлялись, иногда предъ нимъ благоговѣли, но тѣмъ не менѣе всегда и всѣ держали себя по отношенію къ нему въ почтительномъ отдаленіи. Иннокентій, стоя на іерархической высотѣ, умѣлъ тѣмъ не менѣе жить въ близкомъ и непосредственномъ единеніи съ обществомъ; отсюда — гораздо большая близость къ нему общества, большая степень живыхъ органическихъ отношеній между его личною жизнію и церковною дѣятельностію и — обществомъ, и большая степень его дѣйствительнаго религіознаго воз-

дѣйствія на общество. Его не только почитали, но и любили; вездѣ онъ былъ не только іерархъ и начальникъ, но и, что называется, „свой человекъ“. Преобладаніе симпатическихъ свойствъ въ его натурѣ, близость его къ обществу и къ жизни открывала ему гораздо большій просторъ и гораздо большую сферу для религіознаго воздѣйствія на общество.

Въ области проповѣдничества Филаретъ является всегда какъ богословъ, какъ церковный учитель, въ святоотеческомъ смыслѣ этого слова; содержаніе его слова всегда вращается около догматовъ и вообще ученія церкви, котораго онъ даетъ всегда гениальную интерпретацію, являя необычайный блескъ остроумія и силу глубокомыслія. Иннокентій вращается въ своемъ словѣ главнымъ образомъ въ области субъективной духовной жизни людей, въ сферѣ ихъ духовно-нравственныхъ состояній и сердечныхъ движеній: а это и есть именно дѣйствительная область ораторства, и Иннокентій всегда не только учитель церковный, вѣщающій людямъ глаголы вѣчной и непререкаемой истины, но и ораторъ, который износитъ предъ слушателей все богатство своей внутренней—индивидуальной нравственной мощи, дѣйствующей съ неотразимымъ вліаніемъ на внутренній духовный міръ слушателей, ихъ нравственныя состоянія и сердечныя движенія. Филаретъ учитель церкви въ специфическомъ смыслѣ слова; Иннокентій—церковный ораторъ въ общечеловѣческомъ смыслѣ слова. Врожденный ораторскій гений въ немъ дѣйствуетъ совмѣстно съ общечеловѣческимъ научнымъ и художественнымъ образованіемъ—плодомъ всегдашней близости его къ наукѣ, не богословской только, но и общечеловѣческой, и къ жизни общественной,—примѣненнымъ къ цѣлямъ религіознаго назиданія.

Собраніе писемъ Филарета въ теперешнемъ ихъ видѣ представляетъ громадный агрегатъ детальныхъ указаній, нерѣдко гениальныхъ, всегда замѣчательныхъ, по всемъ областямъ теоретическаго богословія. Чѣмъ былъ въ своихъ письмахъ Иннокентій, пока еще нельзя сказать окончательно, такъ какъ этихъ писемъ

пока имѣется въ печати еще очень немного, самая незначительная часть. Но можно предположить, что въ нихъ онъ больше врачъ духовный и настырь душъ, чѣмъ Филаретъ, — больше устроитель религіозно-практической, нравственной, жизни русскаго общества, чѣмъ богословъ-теоретикъ. Все, что мы знаемъ изъ бумагъ Иннокентія, представляетъ не столько арсеналъ духовной учености, сколько наглядную картину церковно-религіозной жизни русскаго общества и практической дѣятельности церкви для правильного развитія и поступательнаго движенія этой жизни. Вообще же, если сопоставить эти два колосса нашей церкви, то, кажется, справедливо будетъ сказать, что если Филарету принадлежитъ въ теченіе полувѣка законоопредѣляющее и руководящее значеніе въ сферѣ теоретической дѣятельности нашей правящей церкви, въ сферѣ догматическихъ, каноническихъ и іерархическихъ вопросовъ; то Иннокентію нужно отдать пальму первенства въ сферѣ практическаго воздѣйствія той же церкви на религіозно-нравственную жизнь православно русскаго общества и народа.

Это — Моисей и Ааронъ нашей церкви въ недавнее пятидесятилѣтіе ея жизни.

Послѣ смерти Иннокентія осталось обширное собраніе писемъ къ нему разныхъ лицъ, въ девяти большихъ томахъ, поступившее въ собственность одного изъ близкихъ къ нему друзей Н. Х. Палаузова. Покойный книгопродавецъ М. О. Вольфъ, предпринявшій изданіе всѣхъ сочиненій Иннокентія, приобрѣлъ было отъ г. Палаузова и эти письма, какъ матеріалъ, необходимый для біографіи Иннокентія, которую онъ предполагалъ издать въ видѣ XII-го, дополнительнаго, тома полнаго собранія сочиненій Иннокентія. Въ продолженіе цѣлнхъ десяти лѣтъ, протекшихъ со времени изданія сочиненій Иннокентія, біографія не была составлена, такъ какъ въ распоряженіи Вольфа кромѣ этого собранія писемъ не было другихъ матеріаловъ, а по этимъ однимъ письмамъ составить біографію было невозможно. Во время неоднократныхъ переговоровъ нашихъ съ

Вольфомъ по этому предмету, по его вызову и приглашенію, намъ не удалось убѣдить его издать по крайней мѣрѣ избранныя изъ этихъ писемъ, которыя, будучи недостаточны для біографіи Иннокентія, представляютъ весьма цѣнный матеріалъ для нея, а еще болѣе—матеріалъ для исторіи русской церкви за истекшее пятидесятилѣтіе. Со смертію г. Вольфа сборникъ писемъ къ Иннокентію поступилъ снова въ собственность Н. Х. Палаузова, который обязательно передалъ его въ наше распоряженіе, съ тѣмъ чтобы по минованіи въ немъ надобности мы передали его въ собственность Императорской публичной бібліотеки ¹⁾.

Сборникъ, какъ мы сказали, состоитъ изъ девяти большихъ томовъ, въ которыхъ разбросаны письма разныхъ лицъ безъ всякаго порядка, начиная отъ 1823 года по 1857 включительно. Число всѣхъ писемъ доходить до пяти тысячъ; если исключить изъ нихъ письма поздравительныя и оффиціальныя—извѣстительныя, останется болѣе, чѣмъ три четверти писемъ, имѣющихъ несомнѣнный историческій интересъ. Между ними находимъ нѣсколько писемъ Высочайшихъ особъ (одно императрицы Александры Ѳеодоровны, пять в. к. Константина Николаевича, два принца П. Г. Ольденбургскаго), значительное число писемъ высшихъ государственныхъ сановниковъ—графовъ Сперанскаго (1837 г.) и Блудова, князя М. С. Воронцова, Д. Г. Бибикова, князя Васильчикова, оберъ-прокуроровъ св. синода Нечаева, графа Протасова и А. П. Толстаго, бароновъ (впослѣдствіи графовъ) Будберга и М. А. Корфа, графа Уварова, Княжевича, Литке, Коцебу, П. Д. Киселева, Перовскаго, Ширинскаго-Шихматова и многихъ другихъ, представителей высшей аристократіи (Го-

¹⁾ Н. Х. Палаузовъ, родомъ болгаринъ, двоюродный братъ известнаго въ нашей научной литературѣ Спиридова Николаевича Палаузова (автора сочиненія «Взкъ болгарскаго царя Симеона»), членъ болгарскаго консульства въ Одессѣ, сблизился съ Иннокентіемъ по дѣламъ южнаго-славянства, къ которымъ Иннокентій всегда относился съ самымъ горячимъ участіемъ, и съ 1847 года былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ къ Иннокентію; его друзей. Въ началѣ крымской войны онъ состоялъ при главнокомандующемъ русской арміи для сношеній съ болгарами и оказалъ весьма важныя услуги на этомъ поприщѣ, на что есть указанія въ бумагахъ Иннокентія.

лицыны, Потоцкій, Долгорукій, Потемкины, Остенъ-Сакенъ и т. д.), людей науки—Погодина, Максимовича, Боянскаго, Голубинскаго, Невоструева, Карпова, Сахарова, Снигирева, Кочетова и др., и цѣлой группы іерарховъ, современныхъ Иннокентію, отчасти здравствующихъ и досель. Цѣлый громадный томъ содержитъ въ себѣ донесенія Иннокентію подвѣдомственнаго ему духовенства Крыма о событіяхъ крымской войны и обороны Севастополя.

Всякій, кому дорога слава нашей церкви, ея лучшія традиции, не можетъ не придти въ восторгъ при видѣ и послѣ изученія этого замѣчательнаго собранія писемъ.—Съ одной стороны личность Иннокентія въ своемъ нравственномъ достоинствѣ вырастаетъ до колоссальныхъ размѣровъ; открываются новыя досель неизвѣстныя сферы его вліянія на современную ему государственную и общественно-религіозную жизнь Россіи; во всей полнотѣ отрываются *энтузіазмъ* въ русскомъ обществѣ и правительственныхъ сферахъ, какой возбуждала его личность, его умъ, его дѣятельность вообще, не только проповѣдническая, и который создалъ изъ него одного изъ популярнѣйшихъ историческихъ дѣятелей страны. Съ другой стороны предъ нами возстаетъ наглядная, полная и рельефная картина церковно-религіозной, общественной и научно-литературной жизни Россіи за цѣлое двадцатипятилѣтіе,—особенно жизни церковно-религіозной. Предъ нами является цѣлый сонмъ іерарховъ русской церкви отчасти въ своей официальной дѣятельности, но главнымъ образомъ въ своей интимной жизни, о которой масса писемъ даетъ самое высокое понятіе. Это поистинѣ блестящая плеяда духовнаго свѣта, цѣлая масса умственной силы и нравственной энергіи, дѣйствующей ко благу и на славу церкви отечества.

Для личной исторіи Иннокентія особенно цѣнны письма къ нему Стурдзы, Вейцховича, Сербиновича, Позняка и особенно письма знаменитаго нашего философа богослова протоіерея И. М. Скворцова, одного изъ самыхъ близкихъ друзей Иннокентія,—изъ нихъ однихъ можетъ составиться цѣлый томъ. Затѣмъ по

степени интереса и значенія слѣдуютъ письма Филарета архіеп. харьковскаго, Антонія, архіеп. казанскаго (всѣ писавы въ бытность его ректоромъ кievской академіи), Евсевія, архіеп. могилевскаго, Смарагда, архіеп. рязанскаго, митрополитовъ Іоны, Серафима, Антонія и Григорія, Филарета, митрополита кievскаго, Филарета и Макарія, митрополитовъ московскихъ, Гавріила, архіеп. тверскаго, Ілюдора курскаго, Кирилла, архіеп. подольскаго, Ирнарха кишиневскаго, Іустина владимірскаго, Іереміи нижегородскаго, Леонида екатеринославскаго, Моисея старорусскаго, Гедсона полтавскаго, Евлампія орловскаго, протопресвитеровъ Музовскаго, Кутневича и Бажанова, Евгенія, архіеп. ярославскаго, Паренія, архіеп. иркутскаго, Ігнатія, архіеп. донскаго, Антонія, архіеп. воронежскаго, Іоанна, еп. смоленскаго и множество другихъ.

Повторяемъ: составленіе настоящей біографіи Іннокентія— дѣло необходимое не только для чести нашей духовной литературы, но и для славы православной русской церкви; на поприщѣ служенія которой подвизаются и въ настоящее время многіе изъ сверстниковъ и учениковъ доблестнаго архипастыря и великаго учителя. Благодареніе Богу: православная русская церковь никогда не оскудѣвала великими и доблестными іерархами, право правившими въ русской землѣ слово истины Христовой. На пространствѣ ея тысячелѣтней исторіи тянется непрерывная вереница ихъ славныхъ именъ. Но Іннокентій и Филаретъ—самые близкіе къ намъ изъ нихъ, близкіе не хронологически только, но и по тѣмъ лучшимъ традиціямъ, какія доселѣ характеризуютъ іерархическую дѣятельность въ нашей церкви, которыя высоко держатъ знамя православія и охраняютъ чистоту и достоинство святительскаго сана въ церкви. Не смотря на эту ихъ близость, для ихъ дѣятельности, думаемъ, настала уже пора исторіи, той исторіи, подробной и спеціальной, которая только въ силу этой близости и возможна, такъ какъ доселѣ живутъ и дѣйствуютъ еще многіе сверстники и ученики Іннокентія и Филарета. Сойдетъ со сцены это поколѣніе сверстниковъ двухъ равно великихъ іерарховъ, изсякнетъ голосъ

живаго преданія о нихъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ уже труднѣе будетъ воспроизвести величественные образы этой чудной двойцы, блескомъ своей дѣятельности осіявавшей нашъ церковный горизонтъ въ теченіе полвѣка.

Предпринявъ съ своей стороны всѣ возможные для насъ мѣры къ тому, чтобы собрать возможно-большее количество наличныхъ матеріаловъ для надлежащей біографіи Иннокентія, мы въ ожиданіи таковыхъ въ настоящій разъ предлагаемъ вниманію читателей нѣчто изъ того матеріала, которымъ располагаемъ въ настоящее время. Предполагая извѣстными читателямъ главныя черты изъ жизни Иннокентія, мы не будемъ здѣсь повторять того, что уже извѣстно въ печати, а предлагаемъ свѣденія совершенно новыя, выбирая ихъ изъ имѣющихся у насъ матеріаловъ и располагая въ порядкѣ главныхъ моментовъ въ жизни и дѣятельности Иннокентія, каковы: 1) дѣтство и воспитаніе Иннокентія; 2) его ученая служба въ академіяхъ с.-петербургской и кievской; 3) его литературная и проповѣдническая дѣятельность; 4) его служеніе въ санѣ архіерейскомъ въ Вологдѣ, Харьковѣ и въ Одессѣ; 5) его дѣятельность по званію члена св. Синода.—Профессоръ М. П. Погодинъ, другъ Иннокентія, смелъ уже пѣскогда литературный вѣнокъ на его могилу. Настоящій издаваемый нами рядъ матеріаловъ для его біографіи пусть будетъ новымъ вѣнкомъ на ту же могилу, и да не увянетъ его слава среди сыновъ его отечества.

23 сентября 1883 г.

Н. Барсовъ.

І. Дѣтство и воспитаніе Иннокентія.

1. Разсказъ о дѣтствѣ Иннокентія его брата, Письма Матвѣя Алексѣевича къ Иннокентію. Родственники Иннокентія и его отношенія къ нимъ. Письмо Анастасія Красовскаго, его земляка.

Родной братъ Иннокентія, Матвѣй Алексѣевичъ Борисовъ, старшій его восемью годами, чрезъ шесть лѣтъ послѣ его кончины началъ было составленіе его біографіи, вѣрнѣе смущаясь скудостію

ивъвшихся въ то время въ литературѣ свѣденій о великомъ проповѣдникѣ. Въ то время ему было отъ роду свыше семидесяти лѣтъ, и старческая рука его не легко владѣла перомъ, да и мысль была не достаточно свѣжа для того, чтобы должнымъ образомъ исполнить не легкую литературную работу. Его біографія Иннокентія остановилась на самомъ началѣ: по крайней мѣрѣ въ его бумагахъ сохранилось лишь шесть черновыхъ листовъ, на которыхъ онъ четыре раза пересказываетъ, каждый разъ впрочемъ съ нѣсколькими вариантами, прибавленіями и измѣненіями, одно и то же, именно о *родителяхъ Иннокентія* и о его *дѣтствѣ* до поступленія въ воронежское духовное училище.

Здѣсь мы сгруппируемъ эти свѣдѣнія, передавая ихъ по возможности подлинными словами Матвѣя Алексѣевича. Свѣденій о самомъ Матвѣѣ Алексѣевичѣ мы достаточныхъ не имѣемъ. Кажется, онъ не обучался ни въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній и все образованіе его ограничилось орловскою семинаріей, хотя онъ былъ человѣкъ несомнѣнно просвѣщенный и перомъ владѣлъ превосходно, писалъ даже стихи (въ бумагахъ Иннокентія есть одно очень недурное стихотвореніе, писанное почеркомъ Матвѣя Алексѣевича и подписанное буквами М. Б. Матвѣй Борисов?); затѣмъ въ 1842 году Иннокентій просилъ объ опредѣленіи его брата „синдикомъ“ въ харьковскій университетъ, но прошеніе это не было уважено министромъ народнаго просвѣщенія, о чемъ уведомилъ Иннокентія письмомъ отъ 10 апрѣля 1842 г. князь Ширинскій-Шихматовъ (см. рукоп. т. VІІІ, стр. 85). Наконецъ изъ разсказовъ Н. Х. Палаузова мы знаемъ, что Матвѣй Алексѣевичъ, въ чинѣ коллежскаго совѣтника, въ 1856 году былъ секретаремъ харьковскаго дворянскаго депутатскаго собранія, скончался 10 февраля 1867 года, имѣя семьдесятъ девять лѣтъ отъ роду, и погребенъ въ куряжскомъ монастырѣ близъ Харькова. По выраженію Н. Х. Палаузова, это былъ „благороднѣйшій и благой жизни человѣкъ“. Иннокентій очень любилъ и уважалъ своего единственнаго брата, бывшаго пѣстуномъ его дѣтства,—большинство знакомыхъ

его въ своихъ письмахъ шлютъ чрезъ него поклонъ и Матвѣю Алексѣевичу, даже архіереи; многіе обращались къ Иннокентію съ просьбами чрезъ его брата, и большею частію просьбы М. А. были уважаемы его братомъ. О взаимныхъ личныхъ отношеніяхъ двухъ братьевъ, а равно о нѣкоторыхъ чертахъ его характера даетъ нѣкоторое понятіе второе письмо М. А-ча къ Иннокентію, печатаемое ниже.

Исчисливши нѣкоторыя, имѣвшіяся въ 1863 году въ печати статьи объ Иннокентіи ¹⁾, М. А. Борисовъ затѣмъ продолжаетъ. „Чѣмъ далѣе будетъ идти время, тѣмъ менѣе будетъ оставаться людей, знавшихъ Иннокентія въ дѣтскій, отроческій и юношескій періоды его жизни; даже тамъ, гдѣ онъ родился, вовсе уже нѣтъ людей, способныхъ сообщить вѣрныя и отчетливыя свѣденія объ этихъ періодахъ его жизни. — Итакъ, если въ настоящее время, когда прошло лишь шесть лѣтъ отъ кончины Иннокентія, не легко достать желанныя свѣденія о дѣтствѣ его, то будущему его біографу еще труднѣе будетъ это сдѣлать“. „Промысль попустилъ мнѣ пережить Иннокентія, младшаго меня лѣтами, конечно, не съ другою какою, а только съ тою цѣлію, чтобы я исполнилъ долгъ его біографа“.

„Мнѣ было около восьми лѣтъ ²⁾, когда родился братъ Иванъ. Слѣдовательно я видѣлъ день его рожденія и крещенія, слышалъ

---

¹⁾ Свѣденія эти для настоящаго времени уже устарѣли, и потому мы здѣсь не передаемъ ихъ. Съ 1863 года въ печати появилось не мало замѣтокъ объ Иннокентіи: имѣющіяся въ печати въ настоящее время статьи объ Иннокентіи исчислены въ «Русской Старинѣ», т. XXI, стр. 193, — впрочемъ далеко не все; не указаны критическія статьи и замѣтки о его проповѣдяхъ, появлявшіяся почти во всехъ тогдашнихъ журналахъ, особенно въ Ж-лѣ и-ва нар. просвѣщенія, «Маякѣ» и «Москвитяинѣ». Мы будемъ имѣть случай сказать свое слово о критикахъ Иннокентія, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ (Revue critique, Semeur и др.).

²⁾ Здѣсь находится противорѣчіе тому, что сообщаетъ о Матвѣѣ Алексѣевичѣ Н. X. Нагаузовъ, по словамъ котораго, Матвѣй Алексѣевичъ умеръ въ 1867 году имѣя отъ роду семьдесятъ девять лѣтъ, т. е. былъ старше Иннокентія не восемью, а двѣнадцатью годами.

первый плачь его, любовался его улыбкою, находился неотступно при его колыбели, участвовалъ въ его забавахъ и играхъ; словомъ Иннокентій развивался на глазахъ моихъ послѣ смерти отца, былъ хранимъ и руководимъ мною со дня его рожденія до 1814 года“.

Иннокентій Борисовъ явился на свѣтъ орловской губерніи въ городѣ Ельцѣ, 1800 года, декабря въ 15-й день, въ четвергъ. Ошибочно, слѣдовательно, сказано въ трехъ первыхъ по времени статьяхъ объ Иннокентіи (въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ и въ „Извѣстіяхъ академіи наукъ“), что онъ родился въ Сѣвскѣ, гдѣ онъ лишь учился. Замѣчательно, что годъ рожденія Иннокентія былъ високосный, заключительный въ 18-мъ столѣтіи. Иннокентій явился на свѣтъ вслѣдъ за возвратомъ солнца съ зимы на лѣто и служить какъ бы живую чертою, проходящею между XVIII и XIX столѣтіями. „День рожденія былъ и днемъ крещенія его; крестилъ его самъ родитель, получившій за четыре года передъ тѣмъ санъ священника. Живо помню, какъ происходилъ обрядъ крещенія. Жилище наше было хотя и городское, но скудное и тѣсное. Весь домъ состоялъ изъ избы, сѣной и клѣти. Такъ какъ влѣтъ не имѣла печи, и имѣть ее не могла, потому что сложена была на живую нитку и поставлена на курьи ножки, то изба въ зимнее время служила намъ всѣмъ: и прихожую и гостиною, и кухню и спальною, и кабинетомъ и молельною. Но лѣтомъ часть этихъ обязанностей принимала на себя клѣтъ: въ ней открывалась приѣзная и гостиная; она же была кабинетомъ, спальною и молельней батюшки, — молельней лишь въ ненастное время; въ хорошую погоду онъ молился всегда въ саду, насажденномъ и вырощенномъ собственными его руками. Кто видѣлъ покойпаго Иннокентія во всемъ его величій во время служенія и неподражаемаго проповѣданія; тотъ никакъ не могъ вообразить, чтобы онъ родился и крестился въ описанной мною такой тѣсной и неудобной кушѣ. Изба наша, служившая въ зиму для всѣхъ цѣлей, не смотря на это, содержалась всегда въ чистотѣ и опрятности, а на сей разъ приняла даже видъ праздничный. Постороннихъ прислугъ у насъ не было: но,

помню, все было вымыто, вытерто, лишнее прибрано, нужное приготовлено. Матушка по обычаю или по нуждѣ находилась въ постели. Оставалось прибрать насъ троихъ—меня и двухъ сестеръ. Хотя солнце поворотило уже съ зимы на лѣто, но на дворѣ стоялъ трескучій морозъ. Въ избы не было теплаго мѣста. Возникъ важный домашній вопросъ, что съ нами дѣлать, куда насъ дѣть. Думали не мало, и наконецъ придумали: старшую ¹⁾ приставить къ матушкѣ, а насъ отправить на полаты, съ строгимъ наказомъ лежать тамъ (ибо сидѣть было нельзя) тихо, смирно. Мы улеглись, свѣсивъ головы, чтобы видѣть крестины. Прибыли воспріемники, началось крещеніе. Съ палатой, какъ съ неба, смотрѣли мы на крестившаго, крещаемого и воспріемниковъ. Шестидесять лѣтъ прошло съ того времени, а впечатлѣніе, произведенное во мнѣ обрядомъ крещенія, совершеннымъ надъ братомъ, во мнѣ не изгладилось. Крещеніе опредѣляютъ таинствомъ. И точно оно таково, когда его совершаютъ какъ таинство. Во всю мою жизнь довелось видѣть мнѣ одно это крещеніе, совершенное такимъ образомъ²⁾.

Родители Иннокентія были: священникъ градской Успенской церкви ²⁾ Алексѣй Борисовичъ Борисовъ и Акилина Гавриловна, урожденная Лубенковская. Иннокентій былъ послѣдній изъ дѣтей этой благословенной четы. Отецъ Иннокентія не имѣлъ никакого школьнаго образованія, но получилъ отъ природы богатые дары, душевные, какъ и тѣлесные, ставши служителемъ алтаря, развилъ ихъ самъ чтеніемъ, размышленіемъ и усерднымъ приложеніемъ къ дѣлу своего служенія. Священства онъ не искалъ, и оно само къ нему пришло. Когда упразднилось при Успенской церкви священ-

---

¹⁾ Одна изъ сестеръ Иннокентія, діаконица Екатерина Алексѣевна Тебенъкова, овдовѣвъ, поселилась на жительство въ харьковскій женскій Хорошевскій монастырь, въ которомъ была въ живыхъ еще въ 1867 году, — когда ее видѣлъ тамъ Н. Х. Палаузовъ. Это святой жизни старица, замѣчаетъ онъ въ своей пріпискѣ къ разсказу Матвѣя Алексѣевича.

²⁾ Въ г. Ельцѣ. Въ биографіи Иннокентія, напечатанной въ Русской Старинѣ со словъ старыхъ источниковъ, и повторяется невѣрное свѣденіе, что Иннокентій былъ сынъ священника г. Сѣвска.

ническое мѣсто, о. Алексѣй, изъ низшихъ степеней клира дослужившійся до діаконства, и не думалъ проситься на него. Но прихожане уговорили его поѣхать съ выборными изъ нихъ къ архіерею, (Аполлосу Байбакову), который и посвятилъ его въ священники, исполняя просьбу прихожанъ, хотя въ то время уже въ Ельцѣ, какъ и вообще по городамъ, священниками были лица, обучавшіеся въ семинаріи. Когда онъ сдѣлался священникомъ, не проходило ни одного воскреснаго и праздничнаго дня безъ того, чтобы храмъ его не оглашался словомъ какого-либо изъ извѣстныхъ проповѣдниковъ. Любимыми проповѣдниками о. Алексѣя были: Платонъ, Гедeonъ (Криновскій), Дмитрій Ростовскій, Минятій. Разборчивость вкуса въ сочиненіяхъ сего рода была у него самая тонкая. Онъ выступалъ передъ слушателей съ такою только проповѣдію, которою предварительно трогался и убѣждался самъ, и которую усваивалъ до того, что слушатели, внимая словамъ его, совершенно теряли изъ виду лежавшую передъ нимъ книгу и вѣрили, что онъ произноситъ свое живое, а не чужое печатное слово... Пятдесятъ лѣтъ прошло со времени кончины родителя Иннокентія, по память о немъ доселѣ жива въ Ельцѣ, какъ о пастырѣ добромъ, переходя преданіемъ изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Мать Иннокентія, въ параллель отцу его, была женщина неграмотная, но весьма умная, благочестивая и въ высшей степени набожная. Крестъ и молитва были основаніемъ всѣхъ ея мыслей, дѣйствій и поступковъ. Всѣ ея знанія ограничивались ручной пасхалией, которую она помнила весьма твердо. Вѣра ея въ силу и дѣйствіе освященныхъ вещей такъ была велика, что одними ими ограждалась она отъ всѣхъ нравственныхъ и физическихъ враждебныхъ вліяній. Во всю долгую (76 лѣтъ) жизнь свою она не лечилась, боясь умереть скорѣе отъ лекарства, чѣмъ отъ болѣзни. У нея была своя домашняя аптека, состоящая изъ травушекъ-муравушекъ, а также изъ разныхъ святыхъ водъ, особенно вращенской—полуночной, херувимскаго роснаго ладона (употреблявшагося при кажденіи во время херувимской въ дванадцатые праздники),

благословенныхъ хлѣбовъ, елеевъ отъ чудотворныхъ иконъ, Богородичныхъ просфоръ, и подобныхъ симъ освященныхъ вещей. Ими она врачевала себя и дѣтей своихъ, и, удивительное дѣло, всѣ таковыя лекарства оказывали свое дѣйствіе“.

Справедливость этого разсказа о родителяхъ Матвѣя Алексѣевича подтверждается и изъ другихъ источниковъ. Такъ вѣето Аванасій Красовскій, житель Орла, называющій себя въ письмахъ къ Иннокентію его другомъ, въ одномъ изъ нихъ отъ 25 апрѣля 1835 г. говоритъ: „третьяго дня я былъ на родинѣ вашей, въ Ельцѣ, гдѣ много и очень много имѣлъ удовольствія узнать о благочестивой жизни покойнаго родителя вашего, память котораго не умираетъ и остается въ сердцахъ знавшихъ его. Да направитъ и насъ Господь на путь, коимъ слѣдовалъ сей достойный пастырь. Въ post scriptum въ томъ же письмѣ прибавлено: „Пресвященный Никодимъ мнѣ очень много говорилъ о благочестивой жизни и благословенныхъ Богомъ дѣяніяхъ вашего родителя“.

Изъ другихъ родственниковъ Иннокентія по его бумагамъ извѣстенъ Иванъ Матвѣевичъ *Абрамовъ*, священникъ села Нового-Дубоваго, задонскаго уѣзда, воронежской епархіи. Онъ былъ сынъ „причетника Матвѣя, сына Натальи Гавриловны, родной сестры матери Иннокентія“, т. е. былъ его двоюродный племянникъ. 6 декабря 1854 года въ письмѣ къ Иннокентію о. Іоаннъ жалуется, что пресвященный воронежскій перевелъ его противъ его воли въ село Новое-Дубовое отъ церкви св. Николая, что въ селѣ *Ясырки*, бобровскаго уѣзда, гдѣ онъ служилъ священникомъ съ 1842 года,—по несправедливой жалобѣ (на утайку доходовъ отъ требъ) діакона той церкви Дмитрія Отченашкова, который приходился близкимъ родственникомъ члену консисторіи, кафедральному ключарю Еввимию Святозорову¹⁾.

«До девяти лѣтъ Иннокентій находился въ домѣ родительскомъ, подъ надзоромъ и руководствомъ всей домашней церкви. Здѣсь постепенно

¹⁾ Рук. № 146.

развивался онъ физически, умственно и нравственно. Физическое развитіе его шло туго и медленно, хотя имѣлись въ наличности все условія для вполне успѣшнаго развитія его организма. Онъ терпѣть не могъ никакого принужденія и стѣсненія и ему давалась полная свобода; пользоваться только свободою дозволялось ему не заглазно, а въ глазахъ родительскихъ. Ничто не помогло его росту, и это огорчало его во всю жизнь. Для служенія съ собою, будучи въ санѣ архіерейскомъ, онъ назначалъ лицъ, близкихъ къ нему по росту. Между причинами, остановившими ростъ Иннокентія, съ вѣроятностію полагать надобно раннее и напряженное развитіе духовной его силы... Въ домѣ родителя Иннокентьева обучались чтенію и писью дѣти лучшихъ елецкихъ гражданъ. Правильной теоріи взаимнаго обученія въ то время не существовало; но у него былъ этотъ способъ на самомъ дѣлѣ: дѣти взаимно обучали другъ друга безъ помощи наставника. Все это происходило предъ глазами Иннокентія и сильно впечатлѣлось въ его живой, подвижной и жадной душѣ. Рано захотѣлось ему дѣлать то же самое, что дѣлалось предъ его глазенками, и онъ принялся за подражаніе, но своимъ оригинальнымъ образомъ. Во-все не зная ни механизма ни процесса чтенія, онъ вдругъ взялся за чтеніе: бралъ книгу изъ библіотеки отца и читалъ ее по своему: съ самой первой страницы и первой на ней строки ведя по каждой строкѣ указательнымъ пальцемъ, вмѣсто указки, бормоталъ про себя или въ слухъ какія-то извѣстныя ему дѣтскія фразы; такъ продолжалось это чтеніе чрезъ всю влугу и оканчивалось послѣднею строкою послѣдней страницы. Въ нѣсколько пріемовъ ребенокъ перелистывалъ, а по его понятію перечитывалъ, книгу, и брался за другую. — Съ происненіемъ сознанія о самомъ себѣ и окружающихъ вещахъ пробудилось въ Иннокентіѣ желаніе узнать, что такое было въ тѣхъ книгахъ, имъ, повидимому, прочитанныхъ. Страстно принялся онъ за ученіе и быстро усвоилъ себѣ механизмъ и процессъ чтенія (въ то время полный курсъ дѣтскаго ученія состоялъ изъ азбуки — изданія главнаго правленія училищъ, часослова и псалтыря, и чистописанія). При такой привязанности къ книгамъ легко было научить Иннокентія читать и писать, но тутъ представлялась трудность особаго рода. Требовалось умѣнье дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ такъ, чтобы ребенокъ не замѣчалъ, что его учатъ, а что онъ самъ учится. Научившись чтенію и писью, Иннокентій съ жадностію бросился на книги, особенно церковно-историческія, которыхъ въ домашней библіотекѣ было не мало: ветхій и новый завѣтъ, четывиниен, патерикъ, прологъ, — все это было прочитано имъ, и не разъ, и наполнило душу его образами и примѣрами благотворными».

«Образъ домашней жизни родителя Иннокентія въ высшей степени

былъ нравствененъ и казидателемъ. Въ домѣ у него было то же, что и въ церкви».

Письмо Матвѣя Алексѣевича Борисова къ преосв. Иннокентію о его дѣтствѣ и воспитаніи.

Въ новомъ годѣ новаго и добраго здоровья
любезнѣйшему братцу!

Для чего это понадобились вамъ справки изъ архива слабой моей памяти? Вижу, что онѣ вамъ нужны, но не могу отгадать, къ чему такія подробности... И о себѣ не многое я помню изъ давноминувшаго, а объ васъ тѣмъ паче. и потому едва ли я удовлетворю васъ такъ, какъ хочется и вамъ и мнѣ. Память моя можетъ послужить небольшимъ пособіемъ вашей памяти: ибо ваше прошедшее гораздо извѣстнѣе и памятнѣе самимъ вамъ нежели мнѣ... Къ чему это, скажете вы, говорите скорѣе дѣло. Начнемъ благословаясь!

Въ 1810 году въ генварѣ мѣсяцѣ приведенъ въ воронежскую семинарію елецкимъ священникомъ Алексѣемъ Борисовымъ второй сыномъ, Иванъ, который, по экзаменту, принятъ во второй классъ. Въ сентябрѣ того же года переведенъ въ третій. Въ генварѣ 1811 года переведенъ въ четвертый или по тогдашнему синтаксисъ. Въ мартѣ или апрѣлѣ заболѣлъ оспою, взятъ былъ матушкою домой, гдѣ пробылъ до выздоровленія. Въ сентябрѣ опять привозилъ насъ батюшка, который прощаясь съ нами, простился навсегда. 16-го октября онъ скончался, 17-го пріѣхалъ Егоръ Ивановичъ (?) и въ тотъ же день повезъ насъ въ Елецъ. Въ семинарію поступили вы при преосвященномъ Арсеніѣ Москвитинѣ, скончавшемся 1810 году мая 6-го; и продолжали ученіе при Антоніѣ Соколовѣ, который прібылъ на паству, помнится, въ октябрѣ или ноябрѣ того же года. Здѣсь живо приходитъ мнѣ на память находчивость покойнаго нашего батюшки. Въ саду нашемъ въ то лѣто одна молодая меркуловская яблоня принесла первые плоды въ такомъ множествѣ, что отъ тяжести ломались вѣтви, и было отъ чего; ибо на половину было такихъ яблоковъ, которыя имѣли въ своей окружности отъ 8 до 13 вершковъ. Притомъ и видъ и вкусъ имѣли необыкновенный, ибо святы были тогда, когда на деревѣ не было ни одного листа. следовательно въ полной зрѣлости и спѣлости. Подарокъ хоть царю! Но до него далеко. Ближе поднести ихъ новому воронежскому владыкѣ, который проѣдетъ чрезъ Елецъ. Вздумано—сдѣлано. Антоній изъ Ельца, а батюшка вслѣдъ за нимъ и съ яблоками. Владыка остановился въ троицкомъ затородномъ домѣ. Въ день представленія воронежскаго духовенства и батюшка явился туда съ нами и съ подаркомъ. Когда мы вошли въ переднюю,

она полна уже была духовенства, которое хлопотало объ укладываніи на блюда разныхъ плодовъ, въ томъ числѣ и яблоковъ, довольно крупныхъ. Батюшка объяснилъ келейнику, что онъ пріѣзжій (и всунулъ что то ему въ руку), желаетъ съ дѣтьми представиться владыкѣ, принять отъ него благословеніе и поднести домашній гостинецъ, и просилъ одолжить тоже какого нибудь блюда. Подано блюдо и весьма порядочное. Батюшка раскрылъ коробъ, вынулъ яблоко, положилъ на блюдо, другое, третье, четвертое, сверху пятое, и класть негдѣ, блюдо полно. Духовенство ахнуло, видя такіе огромные плоды, при которыхъ яблоки ихъ стали казаться то орѣхами, то крупнымъ горохомъ. Что дѣлать? Большаго блюда не отыскалось. Принесли самый большой полнось, но и на немъ не могли уложить всѣхъ, не смотря на то, что и всѣхъ то было только два десятка, только кажное въ 13 и 12 вершковъ. Положили столько, сколько уложилось. Духовенство представилось и вышло. Доложили объ насъ, входимъ. Кланяемся. Принимаемъ благословеніе. Батюшка объясняется— кто онъ, кто мы и проч. наконецъ просить принять отъ него домашій гостинецъ. Когда я вышелъ и явился съ подносомъ, и владыка изумился, увидѣвъ на немъ огромные яблоки. Гдѣ ты, отецъ, восхвалинулъ онъ, досталъ такіе рѣдкіе и мною никогда не виданные плоды? Батюшка объяснилъ ему. Вижу, заключилъ владыка, благословеніе Божіе на поляхъ вертограда твоего, отецъ: да будетъ же благословеніе Божіе и мое и на чадахъ твоихъ,—благословилъ насъ всѣхъ, и мы, поклонившись до земли, вышли.—Наставниками нашими были: во 2-мъ классѣ Василій Васильевичъ Скрыбинъ; въ 3-мъ—Алексѣй Петровичъ Лебедевъ; въ 4-мъ—Иванъ Ивановичъ Скрыбинъ; ректоромъ въ ваше время былъ архим. Аонасій Савинскій, префектомъ Иванъ Ивановичъ Митропольскій. Не помню только, кто именно училъ васъ по гречески. Насъ училъ Путилянь, а васъ не Федотъ ли Поповъ. Все время ученія вы были на одной квартирѣ, подлѣ Ильинской церкви, у вдовы Авдотьи Алексѣевны Бражниковой вмѣстѣ со мною. Изъ Воронежа, какъ я выше связалъ, выѣхали мы 17 октября 1811 года, а въ Сѣвскъ прибыли въ ноябрѣ мѣсяцѣ съ матушкою и сестрою Катериною. Были у владыки. Онъ далъ жениха сестрѣ. Насъ, какъ водителя, экзаменовали. Префектъ Петръ Андреевичъ Максимовъ задалъ вамъ локуцію: *рука руку моетъ, и объ хотятъ быть бѣлы*. Вы не замшнаясь сказали по латынѣ. Онъ похвалилъ. Потомъ велѣлъ вамъ перевести на лагинскій языкъ стихъ: *Господи, аще не быхомъ имѣли святыхъ твоихъ молитвенники*, а мнѣ задалъ разсужденіе, не помню какое. Экзамень этотъ находится въ архивѣ орловскаго семинарскаго правленія. По экзамену вы поступили въ синтаксисъ, а я въ философію. Въ вашемъ классѣ учителемъ былъ инодіаконъ Алексѣй Даріоновичъ Кутеновъ. Въ сентябрѣ 1812 года по-

ступали вы въ поэзію, которой обучалъ протоіерей Гапоновъ (?). Потомъ въ риторикѣ, которой обучалъ, кажется, іеромонахъ Арсеній, котораго, не знаю почему, называли Лалтемъ. Но какъ риторикъ въ то время было три, то при отъѣздѣ въ Петербургъ я просилъ тогдашняго ректора Амвросія, для утѣшенія матушки и по успѣхамъ вашимъ, явновать прочія риторики и перевести васъ прямо въ философію. Но было ли это имъ сдѣлано, мнѣ вовсе неизвѣстно. Оставляя Сѣвскъ (въ Сѣвскѣ квартировали мы сначала у вдовы Остроумовой, потомъ у Степана плотника, наконецъ у Фомы каменщика), я поручилъ васъ доброму моему пріятелю Ивану Степановичу Переверзеву, съ которымъ вы впоследствии и квартировали. Не ручаюсь за вѣрность изложенныхъ мною свѣдѣній и прошу съ своей стороны повѣрить ихъ собственными вашими воспоминаніями. Есть ли они составляютъ для васъ большую важность, то не мѣшало бы вамъ потребовать ихъ отъ ректоровъ воронежскаго и орловскаго. Въ архивахъ семинарскихъ на всё вами предложенные вопросы, исключая квартиру, находятся точные, а слѣдовательно и самые вѣрные отвѣты. Какой ректоръ не согласится для васъ порыться въ пыли архивной? Конечно всякой.

(Къ этому разсказу слѣдуетъ прибавить, что Иннокентій никогда не забывалъ своихъ наставниковъ и воспитателей и благодѣтельствовалъ имъ и ихъ родственникамъ. Протоіерей Аѳанасій Савицкій, вѣроятно родственникъ упоминаемаго здѣсь архим. Аѳанасія, служившій сначала въ селѣ *Вераней Бѣлозеркѣ*, былъ командированъ въ Ялту, въ качествѣ настоятеля тамошней церкви, во время крымской войны. Въ бумагахъ Иннокентія сохранился рядъ его любовитныхъ донесеній Иннокентію о ходѣ военныхъ дѣйствій въ окрестностяхъ Ялты (см. рукоп. Иннок. т. IV, №№ 106, 111, 112, 121, 133, 135, 136 и 174). Своимъ положеніемъ въ Ялтѣ, гдѣ приходъ за выѣздомъ большей части населенія, по причинѣ военныхъ дѣйствій, состоялъ всего изъ ста душъ, считая въ томъ числѣ женщинъ и дѣтей, о. Аѳанасій крайне тяготился и просилъ преосвященнаго о перемѣщеніи его въ село *Тертніе*. Но судя по нѣкоторымъ указаніямъ въ его же письмахъ, видно, что это желаніе его не было исполнено, и онъ былъ, повидимому, возвращенъ въ «Верхнюю Бѣлозерку»... Намъ приходитъ на мысль: не былъ ли этотъ протоіерей Аѳанасій Савицкій прежній ректоръ воронежскаго училища, котораго Иннокентій, можетъ быть, перевезъ въ свою епархію, и не по ошибкѣ ли Матвѣй Алексѣевичъ называетъ Савицкаго ректора армянандритомъ?)

Въ новомъ годѣ я у меня къ вамъ покорнѣйшая прозба. О. игуменъ задолжалъ нашему владыкѣ 350 руб. сер., взятыхъ залмообразно на воскъ. Сдѣлайте милость, вышлите ихъ къ нему, или ко мнѣ, ибо я

остался поручителемъ за о. игумена, и мнѣ совѣстно являться къ владыкѣ, котораго я увѣрилъ, что деньги вышлютъ немедленно по возвращеніи о. Пармена въ Одессу.

Дай Богъ дожить до весны, и мы ваши гости! Г-жа Звѣрева поручила мнѣ ваше преосвященство поздравить съ новымъ годомъ и испросить для нея вашего благословенія. Тоже поетъ и Наталья Николаевна Костевская. Хоръ истинныхъ вашихъ читателей поетъ вамъ многая и премногая лѣта!

1855 г.

Генваря 4.

II. Негласное дознаніе объ образѣ мыслей архимандрита Иннокентія.

Относительно обстоятельства, о которомъ узнаемъ изъ нижеслѣдующихъ писемъ митрополита Серафима къ митрополиту кievскому Евгенію, доселѣ ничего не было извѣстно. Извѣстно, что, еще будучи профессоромъ с.-петербургской академіи, Иннокентій, вмѣстѣ съ Павскимъ, слылъ „неологомъ“¹⁾, къ чему особенный поводъ подали его „последніе дни земной жизни Господа Иисуса Христа“, которые послѣ напечатанія въ „Христіанскомъ Читеніи“ не могли быть вновь изданы, даже послѣ неоднократнаго пересмотра и исправленія ихъ авторомъ, ранѣе, какъ въ послѣдніе дни земной жизни самого Иннокентія, въ 1856 году. И что въ томъ удивительнаго, если въ то время даже катихизисъ митрополита Филарета, одобренный Св. Синодомъ, признанъ былъ не православнымъ? Что касается неправомыслія Иннокентія въ лекціяхъ, читанныхъ имъ въ с.-петербургской академіи, о которомъ говорится въ нижеслѣдующихъ письмахъ, то о немъ, конечно, въ серьезномъ смыслѣ не можетъ быть и рѣчи. Живая ораторски-патетическая лекція Иннокентія едва-ли могла быть воспроизведена точно, посредствомъ записи даже стенографической. Но такая записъ въ то время вовсе не была извѣстна, и нисколько не удивительно, что въ лекціяхъ, въ томъ

---

¹⁾ См. объ этомъ въ книгѣ: письма о Кіевѣ и воспоминанія о Тавридѣ, М. Максимовича, изд. 1871 г., стр. 41.

видѣ, какъ онѣ вышли изъ подъ записей студентовъ, могли быть мысли невѣрныя. Но, очевидно, за нихъ самъ лекторъ вовсе не подлежалъ отвѣтственности, ибо это не были его собственные мысли. Въ такомъ видѣ дѣйствительно дѣло и выяснилось, какъ это видно изъ письма Филарета къ Иннокентію отъ 25-го февраля 1836 г., которое будетъ напечатано въ слѣдующей статьѣ. На основаніи этого письма между прочимъ можно догадываться, что самый вопросъ о лекціяхъ преосв. Иннокентія возбужденъ былъ въ св. синодѣ Филаретомъ.

Лекціи Иннокентія въ настоящее время напечатаны (въ полномъ собраніи его сочиненій, изданныхъ Вольфомъ), и никому не приходитъ на мысль усматривать въ нихъ что либо еретическое. Очевидно, въ рукахъ московскаго іерарха былъ другой, неисправный, списокъ лекцій, и въ этомъ смыслѣ онъ былъ конечно правъ, обращая на нихъ вниманіе начальства. Въ ту эпоху, эпоху новаторства въ богословіи, когда такіе сильные умы, какъ Иннокентій и Павскій, дѣлали новые опыты къ его постановамъ, стараясь дать православному богословію болѣе самостоятельный видъ и освободить его отъ полукатолическихъ латинскихъ компендіумовъ, основать его непосредственно на первоисточникахъ, св. Писанія и твореніяхъ святоотеческихъ, не безъ пособія сочиненій протестантскихъ, — нужно было дѣлать эти опыты въ высшей степени осторожно, чтобы не возбудить превратныхъ толковъ и не скомпрометировать православной духовной школы этими опытами введенія принципа научности въ богословіи. Въ этомъ смыслѣ нельзя не отдать должной чести мудрости московскаго святителя, рекомендовавшаго осмотрительность и благоразуміе.

Какъ бы то ни было, этотъ эпизодъ вызвалъ вышеупомянутое письмо со стороны Иннокентія митрополиту Филарету, въ которомъ онъ жаловался на несправедливость къ нему и притѣсненія. Письма этого мы не имѣемъ подъ руками, но за то у насъ имѣется отвѣтъ на него Филарета, о которомъ мы сейчасъ упомянули, который вполне обрисовываетъ предъ нами взаимныя отношенія двухъ

іерарховъ въ этотъ періодъ ихъ сношеній. Филареть, а затѣмъ и св. синодъ, какъ видно, были вполне удовлетворены объясненіями Иннокентія. Кіевскій митрополитъ Евгеній, кажется, держалъ сторону Иннокентія и защищалъ своего ректора. 3 января 1836 г. писано вышеупомянутое письмо къ Иннокентію Филарета, а 27 числа того же мѣсяца Иннокентій награжденъ небывалымъ до того отличіемъ: „во вниманіе къ отличнымъ трудамъ, оказаннымъ отъ него при прохожденіи возлагаемыхъ на него епаршескихъ и училищныхъ должностей“, ему присвоена „лично степень архимандрита первокласснаго, съ первостояніемъ предъ всѣми прочими архимандритами первоклассныхъ монастырей, находящихся въ предѣлахъ кіевского учебнаго округа“; а 3 октября того же года ему Высочайше повелѣно быть викаріемъ кіевской епархіи, епископомъ чигиринскимъ.

Одновременно съ м. Филаретомъ и митрополитъ Серафимъ, какъ видно изъ прилагаемыхъ при семъ писемъ его, пережѣнили свои отношенія къ Иннокентію: изъ прежнихъ чисто формальныхъ привѣтствій по случаю праздниковъ, эти письма съ 1836 года дѣлаются дружественными и фамилиарными. Петербургскій святитель распространяется въ похвалахъ чудному ораторскому дару Иннокентія, рассказываетъ о себѣ и своихъ дѣлахъ и т. д.

Помѣщаемъ здѣсь письма м-та Серафима къ м-ту Евгенію, а затѣмъ письма его къ Иннокентію.

1. Высокопреосвященнѣйшій владыка,
милостивый архипастырь!

Вслѣдствіе сдѣланнаго мнѣ порученія, посмѣшаю отнести къ вашему высокопреосвященству съ просьбою, чтобъ вы, милостивый архипастырь, благоволили секретно истребовать отъ ректора кіевской академіи вашей, архимандрита Иннокентія, слѣдующія на бумагѣ объясненія: 1) дѣйствительно ли были имъ, въ бытность его инспекторомъ с.-петербургской д. академіи, читаны студентамъ оныя лекціи, отрывки изъ коихъ прилагаются при семъ; 2) самъ ли онъ составилъ ихъ, или онѣ суть уроки только того

профессора, у коего онъ, бывши студентомъ, обучался богословію, и кто таковъ былъ профессоръ тотъ; 3) не читалъ ли онъ лекцій таковыхъ студентамъ кievской академіи, или не давалъ ли онъ списывать копій съ нихъ; 4) признаетъ ли онъ лекціи сія съ ученіемъ православныя церкви нашея согласными, или не признаетъ; 5) если не признаетъ, то какъ осмѣлился онъ читать ихъ студентамъ? Какіе же дастъ онъ отвѣты на все эти пункты, оныя прошу доставить мнѣ немедленно за собственноручнымъ его подписаніемъ, возвративъ при нихъ и самыя сіи выписки. Вирочемъ имѣю честь быть съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и преданностію вашего высокопреосвященства покорнѣйшій слуга Серафимъ, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій.

№ 4.

17 марта 1834 г.

Его высокопреосвященству, Евгенію,
митрополиту кievскому и кавалеру.

Помѣта рукою митрополита Евгенія:
«получ. 27 марта».

2. Высокопреосвященнѣйшій владыка, милостивый архипастырь!

Получивъ на мое къ вашему в-ву отъ 17 апрѣля сего 1834 года отношеніе отвѣтъ вашъ съ приложеннымъ при немъ ректора академіи вашей на сдѣланные ему отъ имени моего касательно лекцій его, подъ названіемъ общей богословіи, вопросы объясненіемъ, предлагалъ я оное нѣкоторымъ членамъ св. синода на ихъ благоразсмотрѣніе.

Члены сіи надѣялись, что архимандритъ Иннокентій учинить признаніе, что онъ дѣйствительно преподавалъ студентамъ с.-петербургской академіи таковыя лекціи съ искреннимъ заблужденіемъ своихъ признаніемъ, въ кои впалъ онъ по легкомыслію своему, и съ общаніемъ, что онъ не только сообщать оныхъ кому либо письменно, или словесно, но и самъ никогда не будетъ держать ихъ, и полагали кончить симъ все дѣло тѣмъ охотнѣе, что имъ извѣстанъ какъ особенныя ректора сего дарованія, по коимъ можетъ онъ быть весьма полезнымъ для духовныхъ училищъ, такъ

и по его хорошей нравственности. Но какъ онъ на сдѣланные ему вопросы тѣ письменно отвѣтствовалъ, что никогда имъ таковыхъ лекцій студентамъ с.-петербургской академіи давано не было: то они за нужное признали привести дѣло сіе въ большую, безъ всякой впрочемъ огласки, ясность обстоятельствами въ приложенной при семъ запискѣ изложенными.

Препровождая ее къ вашему высокопреосвященству, я увѣряю васъ, по всей совѣсти моей, что члены св. синода, коими она сдѣлана, искреннѣйше желаютъ соблюсти о. архимандрита Иннокентія какъ для собственной пользы его, такъ и для пользы св. церкви и духовныхъ училищъ, надѣясь несумнѣнно, что вы, какъ добрый пастырь, употребите всевозможное стараніе, чтобъ сіе благое ихъ желаніе, чрезъ васъ, при содѣйствіи благодати Божіей, совершенно было исполнено къ общему нашему и вашему порадованію.

Честь имѣю быть съ истиннымъ моимъ высокопочитаніемъ и преданностію вашего высокопреосвященства покорнѣйшій слуга

Серафимъ, митрополитъ новгородскій
и с.-петербургскій.

№ 5.

22 мая 1834 г.

Его высокопреосвященству, высокопреосвященнѣйшему Евгенію, митрополиту кievскому и галицкому, и кавалеру.

Секретно.

Помѣта митрополита Евгенія: получено 1 іюня 1834 г. отвѣтств. 8 іюля.

3. Записка.

Лекціи бывшаго инспектора с.-петербургской академіи архимандрита Иннокентія, подъ названіемъ общей богословіи, сперва по слухамъ, а потомъ въ 1833 году въ самомъ текстѣ, извѣстны сдѣлались нѣкоторымъ членамъ св. синода.

Въ мартѣ 1834 года выписки изъ оныхъ препровождены были къ высокопреосвященнѣйшему митрополиту кievскому. 3-го апрѣля архимандритъ Иннокентій сверхъ ожиданія письменно отвѣтствовалъ, что „лекцій, изъ коихъ взяты отрывки, имъ, Инно-

кентіємъ, студентамъ с.-петербургской академіи давано никогда не было*.

Вслѣдствіе сего 6-го мая представленъ былъ высокопреосвященнѣйшему митрополиту новгородскому, и имъ съ нѣкоторыми другими членами св. Синода разсматриванъ полный текстъ означенныхъ лекцій; и выписки оказались взятыми изъ онаго и съ нимъ сходными, хотя то былъ другой и изъ другихъ рукъ взятый экземпляръ, а не тотъ, изъ котораго взяты были выписки въ прошедшемъ году.

На семь экземпляровъ противъ одного мѣста, гдѣ говорится о свободѣ, рукою неизвѣстнаго читателя сей рукописи между прочимъ написано: *не хотѣль-ли о. И. сказать о безусловномъ обнаруженіи свободы въ поступкахъ?* Здѣсь видно имя сочинителя сихъ лекцій.

Для приведенія дѣла въ большую ясность, впрочемъ безъ огласки, призванъ былъ одинъ изъ слушателей сихъ лекцій, который объявилъ, что онѣ подлинно были преподаны архимандритомъ Иннокентіемъ устно, что нѣсколько студентовъ записывали его слова, и по взаимному сличенію сихъ записокъ составлялся полный текстъ лекцій, который далѣе распространялся между слушателями въ спискахъ, коихъ нѣсколько, впрочемъ не большое число, есть и нынѣ у извѣстныхъ лицъ въ С.-Петербургѣ.

По сношенію между членами св. синода оказалось, что у нихъ были въ виду три экземпляра сихъ лекцій. Посему нужнымъ признано сообщить настоящую записку высокопреосвященнѣйшему митрополиту кievскому, дабы онъ, вновь призвавъ архимандрита Иннокентія, при архипастырскомъ увѣщаніи, вразумилъ его, что сіе не официально, а приватно и тайно производимое дѣло, имѣеть цѣлю не то, чтобы подвергнуть архимандрита Иннокентія ответственности за погрѣшности, но чтобы довести его до откровеннаго изясненія истины, побудить къ усовершенію своего образа мыслей и тѣмъ предохранить его отъ дальнѣйшихъ погрѣшностей и заблужденій и слѣдующаго за ними вреда и ответственности, и до-

вѣренность къ нему начальства по службѣ возстановить и утвердить.

Нѣтъ сомнѣнія, что высокопреосвященнѣйшій митрополитъ кievскій по своему архипастырскому попеченію о благѣ кievской академіи и вообще о пользахъ духовнаго просвѣщенія и православія употребить всѣ возможныя средства къ приведенію сего дѣла въ желаемую ясность и къ благопріятному окончанію, не прибѣгая къ гласности формальнаго дознанія ¹⁾).

III. Послѣдующія отношенія къ Иннокентію митрополита Серафима.

Письма къ Иннокентію митрополита Серафима (1835—1840 гг.) ²⁾.

1. Высокопреподобнѣйшій отецъ архимандритъ и ректоръ Иннокентій!

Поздравленіе ваше со всерадостнымъ воскресенія Христа Спасителя торжествомъ имѣлъ я удовольствіе получить. Усерднѣйше благодаря за оное ваше высокопреподобіе, равно и сотрудниковъ вашихъ, и поздравляя васъ съ симъ же великимъ праздникомъ взаимно, я молю Виновника онаго, да благословляя труды ваши, подъемлемыя для образованія духовнаго юношества, вождѣнными успѣхами, *укрѣпляетъ Онъ выну ревность и силы ваши употребленіемъ награды вѣчныхъ и не увядаемыхъ.*

Впрочемъ есмь съ жонимъ къ вамъ почтеніемъ и любовью

вашего высокопреподобія усерднѣйшій доброжелатель

Серафимъ, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій.

18-го апрѣля 1835 года.

---

¹⁾ Необходимымъ дополненіемъ къ этимъ бумагамъ служитъ письмо къ Иннокентію Филарета, митрополита московскаго. См. ниже, въ письмахъ Филарета № 4.

²⁾ Въ бумагахъ Иннокентія находится еще нѣсколько писемъ къ нему митрополита Серафима, содержащихъ въ себѣ краткіе отвѣты на поздравительныя привѣтствія съ праздниками Рождества и Воскресенія Христова, какія посылалъ Серафиму Иннокентій. Но содержаніе этихъ писемъ въ нѣсколько строкъ, чисто оффиціальное, стереотипное.

Р. С. Прекрасныя слова ваши на страстную седмицу получилъ я съ благодарностію и прочиталъ оныя съ большимъ удовольствіемъ. Богъ далъ вамъ даръ слова; употребляйте оныя во славу Его, къ назиданію въ истинахъ вѣры и благочестія. О семъ усерднѣйше прошу васъ не я только одинъ, а и всѣ, которые читали сія слова ваши.

Бога ради постарайтесь, чтобъ толкованіе Іоанна Златоустаго на Евангеліе св. Іоанна Богослова переведено было на російскій языкъ получше, чѣмъ окажете вы большую пользу святой церкви.

2. Высокопреподобнѣйшій отецъ архимандритъ и ректоръ Иннокентій!

Искреннюю приношу вашему высокопреподію, равно и со-трудникамъ вашимъ, благодарность мою за пріятное поздравленіе меня со всерадостнымъ воскресенія Христа Спасителя торжествомъ, съ каковымъ и васъ поздравляя взаимно, я молю воскресшаго Господа, возсіявшаго жизнь и нетлѣніе благовѣствованіемъ, да содѣлаетъ Онъ васъ не участниками токмо, но и дѣятельными проповѣдниками божественной жизни и нетлѣнія для вашихъ питомцевъ, къ славу и радости св. своєю церкви.

Впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ и любовію есмь
вашего высокопреподію усерднѣйшій доброжелатель
Серафимъ, митрополитъ новгородскій.

10-го апрѣля 1836 г.

3. Преосвященнѣйшій владыка,
возлюбленный о Господѣ братъ!

Почтенное писаніе ваше отъ 22-го истекшаго февраля и при немъ четыре книжки назидательныхъ словъ, говоренныхъ вами въ высокоторжественные дни, получилъ я съ особеннымъ удовольствіемъ и благодарностію, съ каковою при истинномъ моемъ къ вамъ почтенію и любви честь имѣю быть

вашего преосвященства усердный слуга
Серафимъ, митрополитъ новгородскій и с.-петер-бургскій.

10-го марта 1837 г.

4. Ваше преосвященство,

возлюбленный о Господѣ братъ!

Усерднѣйше благодарю вашему преосвященству за присылку мнѣ втораго тома поученій вашихъ, которыя прочиталъ я съ большимъ удовольствіемъ. Основательность, высота, ясность мыслей и неизысканная красота слога, всею онѣ облечены, удовлетворяя вполне уму и вкусу, улаживаютъ сердце благочестивыми чувствованіями, которыми дышать и благоухаютъ какъ сіи, такъ и прежнія сочиненія ваши.—Да поддержитъ Господь Богъ силы ваши и да умножитъ въ васъ усердіе трудиться на поприщѣ духовнаго витійства въ славѣ и назиданію святыя церкви своея.

Сіе искреннее желаніе мое раздѣляютъ со мною всѣ, которые истинную вѣру и благочестіе поставляютъ выше всѣхъ земныхъ благъ.

Впрочемъ есмь съ истиннымъ почитаніемъ и любовію

вашего преосвященства усерднѣйшій слуга

Серафимъ, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій.

Сентября 29-го дня
1837 года.

P. S. Я съ самаго начала сего года сдѣлался болѣнъ до того, что доселѣ не ѣздилъ присутствовать въ св. синодѣ, да и теперь еще не могу выѣзжать до совершеннаго выздоровленія отъ вновь послѣдовавшей болѣзни, которая по увѣренію лекаря, яко наружная, не опасна, и можетъ въ непродолжительномъ времени пройти.—
Прошу обо мнѣ старикъ помолиться Господу Богу.

5. Ваше преосвященство,

возлюбленный о Господѣ братъ!

Усерднѣйшую приношу вашему преосвященству благодарность мою за поздравленіе меня съ прошедшимъ праздникомъ Рождества Христа Спасителя нашего и обновленіемъ года. Поздравляя и васъ съ сими же праздниками, молю рождшагося Господа, да обновитъ и укрѣпитъ Онъ Божественною силою Своею силы ваши и да *изліетъ въ сердце ваше тотъ миръ Божій, который принесъ*

Онъ съ Собою на землю и который составляет истинное блаженство наше.

Честь имѣю быть съ истиннымъ почтеніемъ и любовію
вашего преосвященства усерднѣйшій слуга

Серафимъ, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій.

3-го января 1838 г.

б. Ваше преосвященство,
возлюбленный о Господѣ братъ!

Съ особеннымъ удовольствіемъ получилъ я писаніе ваше, коимъ угодно было вамъ поздравить меня со всерадостнымъ торжествомъ воскресенія Христа Спасителя нашего.—Примите, ваше преосвященство, и мое взаимное съ симъ же праздникомъ поздравленіе и сіе искреннѣйшее желаніе: да Побѣдитель смерти сохранить для блага церкви жизнь вашу въ вожденномъ здравіи и благоденствіи, и да исполнить сердце ваше радостію спасенія своего.

Съ истиннымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ и любовію навсегда пребуду

вашего преосвященства

усерднѣйшій слуга

Серафимъ, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій.

23-го апрѣля 1840 г.

Р. S. Усерднѣйше благодарю вашему преосвященству за присылку мнѣ сочиненія вашего—истинно душеполезной книжки, подъ названіемъ: *Первая седмица великаго поста.*
